

ВРАГИ НАРОДА

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Сергея Груздева*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Враги народа / Александр Тамоников. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с. — (Личный отряд Берии. Ро-
маны о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-225939-5

1939 год. В столице действует антисоветская организация «Святая Держава», которая совершает теракты, сеет панику, наносит ущерб оборонной промышленности. Начальник спецотдела НКВД Ермолай Ремизов получает задание ликвидировать преступную группировку. Опытный оперативник решает дискредитировать главаря и лично возглавить организацию, чтобы после уничтожить ее. Чекистам удается внедриться в руководство «Святой Державы». Но заграничные кураторы, почуяв неладное, приказывают устранить Ремизова. Видя нависшую над ним смертельную угрозу, Ермолай принимает решение ускорить расправу с бандой. Для этого он предлагает «своим» боевикам план покушения на товарища Сталина...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225939-5

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Возвращение из чистилища

ГЛАВА 1

Похоже, многоходовая оперативная комбинация накрылась. Да еще окружающая обстановка как нельзя лучше подходила для полноты ощущений позорного провала — низкое серое ленинградское небо и мерзкое ноябрьское снежное крошево под ногами.

Алексей Протопопов терпеть не мог холодный, помпезный и неуютный Ленинград. И всей душой ненавидел, когда рушатся его с академической дошностью, до мелочей расписанные планы. Ведь за этими обломками открывается неизвестность, готовая поглотить тебя.

Вчерашняя встреча, на которую должен был прийти долгожданный вестник, не состоялась. Пришлось больше часа прождать у Медного всадника, маяча с журналом «Огонек» и повторяя про себя дурацкие, как обычно принято, слова пароля и отзыва, типа «как пройти к Мариинскому театру и какая опера там сегодня идет».

Кураторы с Лубянки возлагали на эту встречу большие надежды. Хотели посмотреть на большую шишку из Парижей-Лондонов, держащую в своих

руках нити антисоветского подполья. Этому фигуранту, с учетом его миссии на территории России, присвоили псевдоним Ревизор. Сколько же сил и ресурсов ушло на подготовку этого свидания. И все впустую.

Первая встреча с объектом агентурной разработки — это как первый поцелуй. От результата зависят дальнейшие отношения и перспективы. Или установится плотный контакт, который позволит затеять с врагом долгую оперативную игру. Или сразу все пойдет кувырком, и останется одно — подать условный сигнал на задержание и спустить с поводка матерых волкодавов, которые трутся во круг, присматривают за агентом и готовы скрутить хоть самого черта с рогами.

Угораздило же в свое время Протопопова стать участником тайных войн. Его отец, старорежимный профессор Московского университета, настойчиво внушал ему презрение к жандармам и их последователям, будто предчувствуя извилистую дорожку, по которой пойдет сын. А Алексей послушно хотел стать биологом — эта семейная профессия вполне соответствовала его упорству и усидчивости. Но имелась и авантюрная сторона его натуры, полковой трубой зовущая к риску и приключениям. Именно она толкнула его сначала не в ту компанию. А в итоге осенью 1929 года довела до застенков ОГПУ.

Оперативник, рассматривавший его дело, обращался с ним вежливо, даже как-то бережно. Ох,

какой же это был мастер своего дела. Он так виртуозно сыграл на чувствах и порывах студента, что в ОГПУ появился идейный осведомитель, носящий оперативный псевдоним Тевтон. А вскоре, с учетом энергии и способностей, его перевели фактически в штат контрразведки на должность секретного сотрудника.

«Сексот» — это не осведомитель, который уши развесит, карандаш заточит и строчит сообщения о том, что слышал в курилках и кабинетах. Секретный сотрудник на острие удара, лицом к лицу с коварным и опасным врагом. Он внедряется, проводит операции, вербует.

Должность младшего научного сотрудника Института микробиологии Академии наук СССР была не столько работой, сколько прикрытием для агента-маршрутника. И он не столько корпел над микроскопом, сколько мотался по всему СССР, меняя личины, паспорта, имена.

Он хорошо знал румынский язык — мать его происходила из знатного румынского рода. В связи с этим его часто использовали на Юго-Западном направлении. То он внедрялся в среду контрабандистов и фальшивомонетчиков в Одессе. То осуществлял оперативное проникновение в контрреволюционную организацию в Кировограде. Научился вживаться в легенды, как в собственную биографию, нацеплять маски, на время становившиеся его собственным лицом. Выполнять любой приказ любой ценой. И ходить по краю. Ведь враг

смертельно опасен, о чем свидетельствует глубокий шрам на боку. И еще — врага порой надо уничтожать на месте, притом своими руками. Как тогда, в Киеве, где, выполняя приказ, он всадил пулю в спину важного функционера националистического подполья.

Он всем своим существом втянулся в новую жизнь. Стал азартен в охоте и был готов в лепешку разбиться ради результата. Но постепенно накапливалась усталость. Игры становились все более опасными. Риск уже не бодрил, а ложился тяжестью на душу. И приходило четкое осознание — когда ходишь все время по лезвию ножа, рано или поздно отступишься. А цена ошибки известна — жизнь.

Это его состояние заметил даже куратор — капитан из секретно-политического отдела НКВД, заявивший:

— В отпуск тебе надо, Леша. На море... Но только после того, как дело закончим по Ленинграду. Это важное дело.

— Закончим обязательно.

— Ты, главное, войди в контакт с фигурантом, — напутствовал капитан. — У нас как у электриков — главное контакт, а потом уж и ток потечет, и механизм заработает.

А этого самого контакта и не состоялось.

Почему фигурант не пришел? Почувствовал, что с ним играют? Или имелись иные причины? Если он жив и эти самые причины все же иные, то игру можно продолжить. Ну а если он понял, что Прото-

попов — чекист, тогда горят, как свечи, несколько серьезных комбинаций. И нужно выстраивать игру совершенно иным образом — то есть арестовывать всех, до кого дотянешься, и выводить из-под удара своих людей.

Ладно, нечего падать духом и ныть. Надо доделать работу. А для начала встретиться с Ростиславом — известным ленинградским художником, а заодно посредником во встрече. Сейчас он должен ответить на несколько принципиальных вопросов.

Понятное дело, использовали художника втемную. Тот искренне считал себя идейным борцом с «большевистской заразой». К нему Протопопов сейчас и направляется, утопая ногами в снежном, перемешанном с водой, месиве. Мимо роскошных домов с гранитными атлантами. Мимо ленинградцев, уныло бредущих в свете просыпающихся ночных фонарей.

Ростислав, как истинный художник, по доброй французской богемной традиции занимал под мастерскую мансарду под крышей типичного ленинградского доходного дома. С нее открывался великолепный вид на Неву и увенчанный острым шпилем силуэт Петропавловской крепости.

Пустой неуютный двор-колодец, почерневшие от времени, давно не крашенные массивные двери подъездов. Около одной из них Протопопов остановился, будто наткнувшись на невидимую преграду. Повел плечами, сбрасывая груз неуверенности,

дурных предчувствий и усталости. Погоревали — и хватит. Пора исправлять ситуацию.

На шестой этаж он взбежал уже вполне бодрый. Готовый к суровому разговору. Преисполненный желания растереть Ростислава в порошок.

Остановившись перед входной дверью, он подергал шнурок звонка. Донесся тонкий переливистый звон. И ни ответа ни привета.

Потом ударил ладонью по двери. И та неожиданно поддалась.

«Ладно, зайдем без приглашения».

Сердце тревожно екнуло, захотелось повернуться и уйти. Но он ступил вперед.

В мансарде царил полутьма. На столе неверным светом мерцала свечка, выдергивая из мрака мольберты, холсты, статуэтки — тот фирменный творческий беспорядок, который положен всякому приличному художнику. А Ростислав был хорошим художником... Именно был. Теперь его скрючившееся тело бездвижно лежало на полу. Протопопов с ужасом понял, что хозяин мастерской мертв.

А потом кольнуло ощущение близкой опасности и осознание, что он, легкомысленный дурак, только что вляпался по-крупному.

Протопопов отскочил в сторону и резко обернулся, готовый действовать.

Но не успел.

Мощный удар в живот сбил ему дыхание и опрокинул на пол. Тот, кто бил, обладал чудовищной силой.

Когда в глазах просветлело, Протопопов увидел нависшего над ним человека. И прошептал через силу:

— Ре-ви-зор!

— Ревизор? — усмехнулся тот. — Тогда ты — недостача!

И европейский эмиссар ловким движением свернул секретному сотруднику 2-го отделения СПО НКВД СССР шею...

ГЛАВА 2

Я ждал смерти. Давно уже это ожидание для меня не ново.

Обычно процесс надолго не затягивался. Несколько дней в камере, пара допросов, короткий вердикт тройки. И итог — выстрел из револьвера в затылок на Бутовском стрелковом полигоне НКВД.

Причину моего ареста никто внятно объяснить не мог. Я был уверен, что мне вменяют убийство моего руководителя — начальника управления НКВД одной из областей Центральной России Гаевского и его цепного пса Граца. Но об их гибели вообще не спрашивали.

Внутренняя тюрьма в доме номер 2 на площади Дзержинского являлась каменным мешком, куда меня спрятали перед тем, как решить — убивать или не стоит. Хорошего там, конечно, было мало. Но имелись и некоторые плюсы. Например, возмож-

ность ощутить на своей шкуре нюансы чекистской работы с противоположной стороны — с той, где находятся враги народа и просто люди, подвернувшиеся под горячую руку НКВД. А этот опыт дорогого стоил.

Большинство камер внутренней тюрьмы — одиночные. Но меня, к счастью, определили в просторное узилище, где ждали своей участи еще пять постояльцев. В большинстве своем это были жестоко выбитые из комфортной колеи, раздавленные люди, еще недавно занимавшие крепкие, а порой даже высокие позиции в иерархии нашего общества.

Вон съезжился на нарах работник внешнеторгового ведомства, жалкий, неустанно причитающий о фатальной ошибке органов в отношении него. Однажды он разоткровенничался и сообщил, что на допросах зачисляет в свою троцкистскую организацию всех знакомых и полужнакомых — ведь такое количество народу не арестуют, станет понятна абсурдность обвинений, и его выпустят. Эх, наивная душа.

На соседних нарах обосновался человек иной закваски — суровый генерал-летчик, уверявший, что ничего не скажет вредителям-чекистам, а товарищ Сталин во всем разберется. Однажды его привели с допроса прилично избитого, с окровавленным лицом. Но в его глазах по-прежнему горел упрямый огонек. Это волевой, отчаянный боец. Не знаю только, за что его пустили под чекистский кузнечный пресс.

Присутствовал у нас и человек культуры — заслуженный артист Малого театра. Его взяли за длинный язык и операции с драгоценными металлами. Он картинно заламывал руки и причитал, что с интеллигенцией так нельзя обращаться, она соль народа, а когда просыпают соль — это не к добру.

Дни тянулись как резина. Камера. Прогулки в небольшом тюремном дворе. Снова камера.

Не сказать, что условия были тяжелыми. Кормили неплохо, тщательно выверяя нормы довольствия. В Гражданскую куда хуже приходилось. Тяжелее всего было от царящих в камере уныния и безысходности.

Так прошел месяц. Потом еще один.

Выводили на ночные допросы меня всего три раза. Конвойный сопровождал меня по лестницам, проем между которыми был затянут проволокой — чтобы никто сдуру не прыгнул головой вниз. Потом по длинным гулким коридорам наркомата с частыми дверями. Здание до революции принадлежало гостинице страхового общества «Россия», и эти комнатенки были дешевыми номерами, где когда-то селились купчишки, балеринки и стряпчие.

В итоге я оказывался в крохотном кабинете с привинченными к полу стульями. Там ждал широкоплечий, с крестьянскими широкими руками и простоватым лицом капитан из аппарата Особого уполномоченного НКВД СССР. Из большого сейфа в углу он извлекал папочку с материалами дела. И начинался разговор.

Капитан был усталый и, как мне казалось, деморализованный. Без огонька и напора, как-то отстраненно он задавал вопросы, делая упор на мое пособничество врагам советской власти. Судя по некоторым специфическим оборотам и прямым цитированиям, донос ныне покойного старшего лейтенанта Граца, бывшего руководителя особой следственной группы нашей области, все же дошел до Москвы. А еще аукнулась личная неприязнь ко мне наркома Ежова.

Ни конкретики, ни явных претензий капитан не предъявлял, зато как заведенный долдонил про чистосердечное признание, которое даст мне возможность сохранить жизнь. По-моему, он сам с трудом представлял, что от меня хочет.

Прошелся он по делу завода «Пролетарский дизель», из-за которого и началась вся эта история. Лениво интересовался, сколько денег я получил от западных разведок, чтобы ограждать от правосудия врагов народа. В этих самых врагах числились директор «Пролетарского дизеля», а также руководитель аэроклуба, которых я в свое время сумел защитить от клеветнических обвинений. К удивлению и радости, через некоторое время я узнал, что все эти люди на свободе и трудятся на своих местах. То есть по логике получается, что никаких врагов я не освобождал. Но следствие это мало интересовало.

Иногда мне казалось, что у капитана одна задача — затянуть процесс как можно на более длительное время.

Однажды, ответив на все вопросы в стиле «не знаю, не виноват», я рассказал о внешторговце, припоминающем всех знакомых, чтобы оговорить их в плане участия в контрреволюционной организации. Капитан устало усмехнулся:

— Вы думаете, он один такой? Вон знаменитый театральный режиссер умудрился оговорить аж сто человек.

— Стахановец. И что? Их всех арестовали?

— Да не смешите. Мы же с понятием.

— Тогда должны понять и то, что я здесь тоже зря. И выгода от моего здесь сидения только контрреволюционерам, которых я не добил.

— А вот тут мое понимание заканчивается, гражданин Ремизов. Поэтому вернемся к нашим баранам. Почему вы, будучи начальником областного Управления государственной безопасности, не приняли мер к...

И шло все по наезженному кругу.

Однажды допрос посетил сам Ежов. Кажется, он был пьян или под воздействием опия. В его взоре я не видел ничего человеческого — только муть и перевозданная ярость.

Маленький, подвижный, он вперился в меня выпученными глазами и хрипло прокаркал:

— Кто таков? А, Ремизов! Двuruшник! Говори, кто входил в твою антисоветскую группу!

Если бы я и хотел ему чего сказать, он все равно не предоставил мне такой возможности. Тут же бросился на меня, ударил кулаком под дых, по

шее, по лицу. Отдышался, взгляд его прояснился, какая-то радость просияла на его лице оттого, что безнаказанно лупит человека, способного его соплей перешибить. Есть такая проклятая одержимость безграничной властью, делающая из людей бешеных зверей.

— Контра! — прохрипел Ежов и, махнув рукой, бросился дальше.

Звуки ударов теперь слышались из соседнего кабинета.

Капитан просто окаменел. Посидели мы с ним минут пять в безмолвии. А потом он вызвал конвоира. Ему было стыдно. Непрофессиональное чувство в этих стенах...

ГЛАВА 3

В углу, глядя в одну точку, раскачивался на нарах и что-то пел на своем языке узбек. Этот старый заслуженный большевик служил послом на Ближнем Востоке, прославился там загулами на казенные деньги и непротокольными заигрываниями с местными властями. Кроме того, он вел какую-то свою игру, отличную от линии партии. Похоже, его грехи, в отличие от многих тут сидевших, были вполне реальными. Он почти ничего не говорил. Только время от времени, глядя в одну точку, заводил заунывные восточные песни. А иногда грустно произносил:

— Хочу одно — еще разок увидеть мою степь. Ощутить ее запах.

— Хорош выть, внук Чингисхана. Увидишь свою степь, — смеялся генерал-летчик.

— Нет, генерал. Это последний причал корабля в моей бурной, как стремительная горная река, жизни, — по-восточному велеречиво отвечал узбек.

— К чему такой пессимизм, посол?

— К тому, что мне следовало сойти с этого корабля раньше. И теперь я бы смеялся, глядя на них издалека. А сегодня смеются они. Последняя пристань. — Узбек впадал в тоску и опять заводил свою песню.

Мы довольно душевно сошлись с генералом-летчиком. Тот был зол, но не терял уверенности. Знал я таких по Гражданской — эти люди сделаны из железа и всегда прикроют тебе спину. И за него, пожалуй, единственного здесь, если не считать профессора-филолога из МГУ, мне было сильно обидно.

Причину своих неурядиц генерал охарактеризовал емко:

— Длинный язык — это как плетка, которой сам себя и охаживаешь. Не сдержался пару раз. Да еще связи припомнили с Тухачевским, которого хорошо знал... Неправильно это, чекист. Каждый сам за себя отвечать должен. И за свое дело. А не за Тухачевского и пару лишних фраз.

— Длинный язык до Соловков доведет, — кивал я.

— Это да. Нечего было с политработниками о политике партии спорить. Гнилой народец, знаешь ли.

— Генерал, ты уже погорел разок, а все продолжаешь болтать лишнее. Еще добавить себе хочешь?

— А чего добавлять? К стенке не поставят. А как война начнется, выдернут с Колымы. Это сейчас пламенные говоруны на подъеме. А как воевать надо будет — они быстро сдуются. И тогда о нас вспомнят. О тех, кто дело делает.

— Какая война?

— Которая на пороге. Так что и погоны мне вернут, и должность дадут. И воевать пошлют.

— Еще выжить надо.

— А кого мне бояться? Как в песне: «Я Сибири не боюсь. Сибирь же тоже русская земля». К голоду я привычный. А шантрапа воровская... Так я по царским тюрьмам еще сидел как политический. Знаю этой публике цену. — Он сжал огромный кулачище. — Ну, со мной все понятно. А как ты здесь оказался? Не за длинный же язык.

— Когда ныряешь слишком глубоко, рискуешь не вынырнуть.

— Или кессонная болезнь начнется... Хоть за дело пострадал?

— За правое дело, генерал, поверь, — усмехнулся я.

— Не люблю вашего брата. Но тебе хочу верить. Что-то в тебе есть такое, наше...

— Ну да, — кивнул я.

Опять нахлынули еще близкие воспоминания. О том, как машина моей жизни однажды не вписалась в крутой поворот.

Как-то странно я ощущал себя здесь, на перекрестке судьбы. Всю жизнь я снимал одни маски и надевал другие. Но теперь, на самом краю, возникла четкая уверенность, что сам я, ядро моей личности, — это нечто гораздо большее, чем личности и маски, что-то изначальное и вечное. Однако сама жизнь, всегда испытывая меня, вынуждала играть разные роли.

Вот я мальчишка из казацкого села, убегающий на Первую мировую войну, дабы защитить Отечество от германца, вернуть православному миру Константинополь и проливы... А вот я уже командир особого эскадрона Красной армии, бьюсь с Деникиным, врубаюсь шашкой в боевые порядки белых, уверенный в своей исторической правоте... И я же на больничной койке, выкарабкиваюсь из тифа, не веря, что выжил. А жена вот не выжила.

Служба в ГУБЧК, ОГПУ, НКВД. Сейчас, пребывая на другой стороне, жалею ли о чем-нибудь? Нисколько. Все правильно делал. Боролся за революцию, не щадя ни себя, ни других. Был жесток — это да. Но всегда был честен перед людьми и собой. И враги у меня были настоящие, а не липовые, как тот же генерал-летчик, прихлебывающий кипяток рядом со мной.

Так и дожил в органах до эпохи обострения классовой борьбы. 1937 год ознаменовался переходом от работы по конкретным антисоветским элементам к борьбе с контрреволюционными массами, то есть не особо разбираясь, кто прав, кто виноват.

Тройки НКВД, выносившие смертные приговоры. Партийные разнарядки на аресты и расстрелы. И я, начальник областного управления госбезопасности, он же заместитель начальника УНКВД, у которого одна мысль — как бы, выбрасывая на помойку битые чашки, не опрокинуть весь сервант. И вместе с реальными врагами народа не уничтожить всех управленцев, инженеров.

Начальник нашего областного управления НКВД Гаевский производил впечатление пустоватого, но в целом стандартного руководителя. В меру амбициозный, в меру интриган. А вот начальник особой следственной группы старший лейтенант Грац, его правая рука, был умен, хитер, являлся великим умельцем, способным из слов «добрый день» соорудить троцкистский заговор. Его бы таланты, да на пользу Родине.

Я долго считал их обычными карьеристами. Думал, что перегибали палку они лишь из служебного порыва и страха перед Москвой. Но постепенно стал осознавать, что осуществляется целенаправленная атака на управленческие и промышленные кадры области. Был обезглавлен флагман промышленности завод «Пролетарский дизель» — там одного за другим арестовывали людей, на которых держалось производство. А я шкурой ощущал, что наклеивается что-то гораздо более страшное.

И тут мне сказочно повезло. На «Пролетарском дизеле» я наткнулся на Константина Великопольского, моего старого знакомого еще со времен Граж-